

СООБЩЕНИЯ

К ВОПРОСУ О МОСКОВСКОМ ВОССТАНИИ 1662 года

В. И. Буганов

В восстании в Москве 25 июля 1662 г. нашли яркое отражение социальные противоречия русского города XVII века. Оно привлекло пристальное внимание современников и историков; его историография начиная с 1672 г. насчитывает немалое количество работ общего и специального характера. Однако некоторые стороны истории восстания освещены в литературе крайне слабо, в решение отдельных из них внесено немало путаницы.

С нашей точки зрения, требуют дополнительного рассмотрения и решения следующие вопросы: число участников, руководители восстания, ход его в Москве, участие солдат в движении, содержание прокламаций, послуживших одним из поводов к восстанию.

Первые русские и иностранные авторы (М. Меер, А. Я. Хилков и др.), писавшие о событиях 1662 г., относились к ним резко отрицательно и с удовлетворением говорили о расправе с восставшими. М. Меер выдвинул ошибочную версию (ее затем поддержали В. Берх, Н. С. Арцыбышев и др.) о том, что автором прокламаций был неизвестный московский дворянин¹.

Большинство историков XIX в. отмечало связь восстания 1662 г. с введением медной монеты. Н. Костомаров следовал при этом официальной версии царских грамот, по которой все московские жители будто бы просили Алексея Михайловича «воров переловить и казнить», что и было исполнено. В прошлом столетии были введены в научный оборот следственные материалы о восстании («История России» С. М. Соловьева, публикация А. Н. Зерцалова) и показания современников, в первую очередь Г. Котошихина. Истолковывая сведения последнего, одни исследователи (С. М. Соловьев и др.) говорили о нескольких сотнях повешенных и 7 тыс. убитых и арестованных в результате разгрома восстания, другие (В. О. Ключевский и др.) — о 7 тыс. казненных и 15 тыс. приговоренных к другим наказаниям².

¹ *Irenico-Polemographiae continuatio II das ist: Der Historisch — fortgeführten Friedens — und Kriegs Beschreibung Dritter oder deß Theatri Europaei. Neundter Theil von den denckwürdigsten Geschichten... welches alles, aus vielen trenlich mitgetheilten Schriften, nachrichtlichen Berichten und briflichen Urkunden, also zusammen getragen und beschrieben Martin Meher, vom Hahn in Schlesien». Frankfurt am Mayn. 1672, S. 647 (далее «Theatrum Europaeum». Ч. IX); А. Я. Хилков. Ядро российской истории. М. 1770, стр. 361; В. Берх. Царствование царя Алексея Михайловича всея Великия и Малыя и Белья Росии самодержца. Ч. I. СПб. 1830, стр. 152—154; Н. С. Арцыбышев. Повествование о России. Т. III. М. 1843, стр. 142—143; Е. Негманн. Geschichte des russischen Staats. Bd. 3. Hamburg. 1846. S. 664—666.*

² М. Заблочкий. О ценностях в древней Руси. СПб. 1854, стр. 81—82; А. Брикнер. Медные деньги в России 1656—1663 и денежные знаки в Швеции 1716—1719. СПб. 1864, стр. 49; П. Шторх. Материалы для истории денежных знаков в России с 1653 по 1840 г. «Журнал министерства народного просвещения» («ЖМНП»), 1868, март, ч. СХХVII; С. М. Соловьев. История России с древнейших времен. Кн. 3. Изд. «Общественная польза», стр. 191—194; Н. Костомаров. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. XVII столетие. Вып. 4. СПб. 1874, стр. 134—136; В. О. Ключевский. Курс русской истории. Ч. III. М. 1937, стр. 241; А. Н. Зерцалов. О мятежах в Москве и в селе Коломенском в 1648, 1662 и 1771 гг. «Чтения Общества истории и древностей российских» («ЧОИДР»), 1890, кн. 3, стр. 295—360. Версию В. О. Ключевского впоследствии воспринял ряд

С крайних монархических позиций оценивали восстание 1662 г. Д. И. Иловайский, польский историк К. Валишевский, писавший об активной роли офицеров (солдатского полка) в движении. В. П. Алексеев рассматривал события 1662 г., исходя из либеральных конституционных иллюзий начала XX века³.

В начале нынешнего века ряд историков (С. К. Богоявленский, В. Я. Уланов и др.) осветили восстание 1662 г. более подробно. Они в своих работах подвергли критике заявления официальных документов о «непричастности» к «гиллю» ратных людей, утверждение Г. Котошихина о небольшом количестве (только 200 человек) активных участников восстания («настоящих воров») и др. В то же время вслед за В. О. Ключевским В. А. Никольский, М. Левшиновский доверяли показанию Г. Котошихина о друзьях и родственниках фальшивомонетчиков как инициаторах восстания. Е. Д. Сташевский и К. Валишевский писали, что восстанием руководил «военный элемент»⁴.

Дворянско-буржуазная историография детально изучила фактическую сторону истории восстания 1662 года. Отношение к нему характеризовалось открытой враждебностью у одних историков, стремлением затушевать его классовый смысл и антифеодальную направленность — у других.

Советская историография по-новому подошла к исследованию событий 1662 года. В работах К. В. Базилевича это народное движение впервые получило марксистско-ленинское освещение. Ему удалось показать, что восстание 1662 г. было вызвано экономическим и финансовым кризисом 50-х—начала 60-х годов (расстройство денежной системы, дороговизна, голод и разорение), борьбой беднейших слоев торгово-ремесленного населения против посадской верхушки и феодально-крепостнического государства с его системой тяжелых поборов, налогов и обязательных служб. Движущими силами восстания явились низы посадского населения столицы и служилые люди московского гарнизона⁵. Основные выводы К. В. Базилевича правильны, и они приняты советской исторической наукой⁶. Но решение К. В. Базилевичем ряда вопросов истории так называемого «медного бунта», на наш взгляд, представляется спорным. На основании неточного анализа материалов следствия К. В. Базилевич преуменьшил число сосланных участников восстания. Он ошибочно счи-

историков: Н. А. Рожков («Русская история в сравнительно-историческом освещении (основы социальной динамики)». Т. 5. Л.-М. 1928, стр. 63), М. Н. Покровский («Русская история с древнейших времен». Т. II. М. 1933, стр. 198—199), В. И. Лебедев («Московские восстания 1648 и 1662 гг.». Журнал «Борьба классов», 1934, №№ 7—8, стр. 54); «Материалы к теме: «Крестьянские войны и восстания угнетенных народов в XVII в.» под редакцией проф. А. В. Шестакова. Ростов-на-Дону. 1938, стр. 42. См. также Большая Советская Энциклопедия (БСЭ). Т. 38. Изд. 1-е, стр. 628.

³ Д. И. Иловайский. История России. Т. 5. М. 1905, стр. 295—298; К. Валишевский. Первые Романовы. М. 1911, стр. 80—82; В. П. Алексеев. Борьба за идею законности в Московской Руси. М. Б. г., стр. 68—70, 99—100, 103.

⁴ В. А. Никольский. Морозовщина. СПб. 1908, стр. 67—74; М. Левшиновский. Серебряная и медная монета царя Алексея Михайловича (1645—1676). «Вестник археологии и истории». Вып. XX. СПб. 1911, стр. 46; Е. Д. Сташевский. Народные волнения в Московском государстве. Киев. 1912, стр. 32—33; В. Я. Уланов. Финансовые реформы царя Алексея Михайловича и «гиль» 1662 г. «Три века. Россия от Смуты до нашего времени». Т. I. М. 1912, стр. 179—203; С. К. Богоявленский. Московские смуты в XVII в. «Москва в ее прошлом и настоящем». Т. VI, ч. III, М. Б. г., стр. 133—136.

⁵ К. В. Базилевич. Денежная реформа Алексея Михайловича (1654—1663 гг.). «Известия АН СССР. Отделение общественных наук», 1935, № 3; его же. Восстание в Москве в 1662 г. Там же. №№ 4—5; его же. Денежная реформа Алексея Михайловича и восстание в Москве в 1662 г. М.-Л. 1936.

⁶ См. разделы о восстании 1662 г. в курсах высших учебных заведений и обобщающих трудах, принадлежащих К. В. Базилевичу, Н. Л. Рубинштейну, А. А. Новосельскому. «История СССР». Т. I. Госполитиздат. 1948, стр. 458—461; «История Москвы». Т. I. М. 1952, стр. 591—595; «Очерки истории СССР. XVII в.». М. 1955, стр. 256—264; «История СССР». Т. I. М. 1956, стр. 340—342; см. также БСЭ. Т. 28. Изд. 2-е, стр. 433; т. 50, стр. 148.

тал, что существовала одна следственная комиссия, а следовательно, и одно следственное дело. К. В. Базилевич не исследовал другие архивные материалы о восстании 1662 г., существенно дополняющие уже выявленные источники; поэтому в его работах не получили достаточного освещения события, происходившие во время восстания в Москве (внимание автора было сосредоточено в основном на Коломенском), ход следствия и др. Все это привело к недооценке истинных масштабов и размаха этого крупнейшего городского восстания XVII века.

В настоящей статье, помимо дополнительного исследования известных материалов, используются новые и малоизученные источники: часть документов коломенской следственной комиссии 1662 г., не изданных А. Н. Зерцаловым; данные московской следственной комиссии⁷ крайне незначительно использованные К. В. Базилевичем. В этих материалах есть ценные сведения о событиях в Москве 25 июля (разгром восставшими купеческих дворов, ход следствия и т. д.). В документах о сыске участников восстания, бежавших из ссылки, также приведены дополнительные данные о его ходе и результатах следствия⁸. Представляют интерес свидетельства о награждении тех, кто подавлял движение: они позволяют судить о мерах, принятых царской администрацией против восставших, о численности войск, участвовавших в подавлении восстания⁹. Кроме того, используются описания событий 25 июля 1662 г., оставленные современниками Г. Н. Собакиным¹⁰ и А. Эберсом¹¹, рассказ из «Theatrum Europaeum» М. Меера, который был составлен, очевидно, на основании сообщений современников и, может быть, очевидцев восстания.

В исторической литературе высказывалось мнение, что восстание 25 июля 1662 г. было заранее подготовлено (слухи о предстоящем восстании ходили по городу с весны 1662 г., в ночь на 25 июля расклеивались прокламации и т. д.)¹². Г. Н. Собакин дополняет эти сведения ценными данными: «Черныя люди и розных слобот и всякия волныя люди... надеялись на приказы стрелетцкия и на боярских дворов людей и посылали их тайным обычаем наговаривать, чтоб оне были с ними заодно»¹³. Он, таким образом, прямо указывает на попытку предварительной подготовки выступления. Весьма вероятно, что агитация в пользу восстания имела место и в солдатских и рейтарских полках, расположенных в Москве.

Непосредственным толчком к восстанию послужили прокламации, расклеенные на многих площадях, улицах и перекрестках Москвы в ночь на 25 июля. Прокламации были составлены заранее. Дьячок Алексеевского девичьего монастыря Д. Филипов на следствии показал, что о них говорили в Москве «до нынешнего смутного времени (то есть до восстания 25 июля. — В. Б.) дня за два»¹⁴. Текст прокламаций до нас не дошел, их содержание очень скупо пересказывается как современниками, так и в материалах следствия. В литературе не раз говорилось о краткости содержания прокламаций. Только К. В. Базилевич предполагал, что их размер (они были написаны на двух столбцах каждая) был больше, чем это

⁷ Центральный государственный архив древних актов (ЦГАДА), ф. 210, столбцы Приказного стола, дд. 327, 959.

⁸ Там же, дд. 334, 975, 990, 1032; столбцы Московского стола, д. 398; столбцы Белгородского стола, д. 563; столбцы Новгородского стола, д. 188 и др.

⁹ Там же, ф. 141, дд. 94, 109, 112, 113; ф. 396, дд. 317, 8140, 8266, 8283, 8308, 8625, 4236 и др.

¹⁰ Там же, ф. 181, д. 115, лл. 12—26. Первая часть описания Г. Н. Собакина посвящена восстанию 1648 года. См. В. И. Буганов. Описание восстания 1648 г. в Архивском сборнике «Исторический архив», 1957, № 4.

¹¹ Опубликовано Г. В. Форстеном (Г. В. Форстен. Сношения Швеции и России во второй половине XVII в. (1648—1700), «ЖМНП», 1898, май).

¹² С. И. Тхоржевский. Народные волнения при первых Романовых. Пгг. 1924, стр. 150—154. К. В. Базилевич. Денежная реформа Алексея Михайловича и восстание в Москве в 1662 г., стр. 85.

¹³ ЦГАДА, ф. 181, д. 115, л. 19об.

¹⁴ А. Н. Зерцалов. Указ. соч., стр. 300, 306.

нужно для перечисления 5—6 фамилий ненавистных лиц из окружения царя¹⁵.

Сопоставление различных показаний источников дает возможность предполагать, что основной мотив прокламаций сводился к обвинениям в «измене» влиятельных лиц, ведавших управлением всеми государственными делами; с этого, несомненно, начиналась прокламация. Так, на Красной площади восставшие кричали, что «нашли письмо, а написаны в нем изменники»¹⁶. Наиболее полно излагает содержание прокламаций Г. Н. Собакин. Он утверждает, что в одной из них было написано, «будто великому государю изменяют» бояре И. Д. Милославский, И. А. Милославский, окольничие Б. М. Хитрово, Ф. М. Ртищев, дьяк Приказа тайных дел Д. М. Башмаков, гости В. Шорин с сыном, С. Задорин «и инья гости»; далее шли конкретные обвинения: «будто отпускают ево государеву казну х королю полскому в Литву пороховую и денежную многую и Московскому государству разорение делают большое»¹⁷.

Г. Котошихин утверждает, что в «листах» говорилось, «будто те бояре ссылаются листами с польским королем, хотя Московское государство погубить и поддать польскому королю»¹⁸. Д. Филипов признавал на следствии: «Говорят де в миру..., что де присланы из Польши листы воровские про окольничего про Федора Михайловича Ртищева». В день восстания, 25 июля, про гостя В. Шорина был пущен слух, что он бежал в Польшу «з боярскими листами». С. Ларионов на следствии показал, что в «письме» был упомянут также И. М. Милославский¹⁹. Шведский комиссар А. Эберс, находившийся во время восстания в Москве, писал о содержании «пасквильных воззваний»: в Москве мало войска и съестных припасов, солдаты умирают с голода из-за недостаточного жалованья, получаемого медными деньгами; полякам, с которыми поддерживают связь богатые господа и гости, легко будет взять Москву. В Коломенском восставшие показывали царю «экземпляры пасквилей» и требовали наказания «изменников» И. Д. Милославского и И. А. Милославского, Ф. М. Ртищева, Б. М. Хитрово, думного разрядного дьяка С. Заборовского, гостей В. Шорина, С. Задорина, Облязова и В. Стоянова. Народное недовольство распространялось и на окольничего Р. М. Стрешнева. В «Theatrum Europaeum» М. Мера говорится, что, согласно прокламациям, бояре продали Москву полякам и татарам²⁰. Слова прокламации о «большом разорении», причиняемом государству «изменниками», имели в виду, вероятно, не только отпущен в Литву пороховой и денежной казны, но и нечто другое, о чем Г. Н. Собакин умалчивает. Но об этом писал П. Гордон: «мятежники» требовали удовлетворения жалоб, говоривших о тяготах, вызванных введением медных денег, пошлиной на соль и другие предметы, и развесили по городу «воззвания такого содержания»; на Красной площади «перед Земским приказом какой-то дьяк прочитал бумагу, в которой перечислялись вышеупомянутые жалобы и имена злоупотреблявших лиц»²¹. Список «изменников» А. Майерберг дополняет фамилией боярина С. Л. Стрешнева, дяди царя, 25 июля за этим боярином восставшие «гонялись» с палками, солдат полка А. Шепелева кричал: «Те де люди им и надобны»²².

¹⁵ К. В. Базилевич. Денежная реформа Алексея Михайловича и восстание в Москве в 1662 г., стр. 86.

¹⁶ А. Н. Зерцалов. Указ. соч., стр. 309.

¹⁷ ЦГАДА, ф. 181, д. 115, лл. 19—19об.; в Коломенском восставшие требовали выдачи тех же лиц. Там же, лл. 20—20об.

¹⁸ Г. Котошихин. О России в царствование Алексея Михайловича. СПб. 1906, стр. 101, 103.

¹⁹ А. Н. Зерцалов. Указ. соч., стр. 301, 303.

²⁰ Г. В. Форстен. Указ. соч., стр. 95—96, 97; «Theatrum Europaeum». Ч. IX, стр. 647.

²¹ «Дневник генерала Патрика Гордона». Ч. 2. М. 1892, стр. 23.

²² «Путешествие в Московию барона Августина Майерберга». М. 1874, стр. 200; А. Н. Зерцалов. Указ. соч., стр. 296, 315, 317.

Прокламация состояла, таким образом, из двух частей: первая содержала список «изменников», в котором определенно перечислялись 9 человек: И. Д., И. А. и И. М. Милославские, Ф. М. Ртищев, Б. М. Хитрово, Д. М. Башмаков, В. Г. Шорин, Б. В. Шорин, С. Задорин; 5 фамилий — С. Л. и Р. М. Стрешневы, С. Заборовский, Облязов, В. Стоянов, — возможно, также упоминались в прокламации; по крайней мере, они тоже вызвали ненависть восставших. Все эти лица составляли тот круг придворных деятелей и крупных купцов, которые держали в своих руках управление государственными делами (И. Д. Милославский и др.), вели значительную торговлю (В. Шорин и др.) и были виновны в различных злоупотреблениях (монетная операция, махинация с фальшивыми деньгами и т. д.), вызвавших справедливую ненависть городских низов и служилых людей²³.

Во второй части прокламации говорилось об «измене» бояр и гостей (сношения с Польшей), о бедствиях, связанных с введением медных денег, недостатком соли и других предметов первой необходимости. Лозунгом восставших была не только борьба с боярской «изменой», но и требование снижения налогов, прекращения злоупотреблений, вызванных денежной реформой.

Восстание началось рано утром 25 июля. «В первом часу дня», то есть примерно с 4 час. 30 мин. до 5 час. 30 мин., в Москве было «тихо», на Сретенке еще не было народа. Во втором часу дня (между 5 час. 30 мин. и 6 час. 30 мин.) здесь состоялся совет «мирских людей»; на Лубянке, у решетки, где была прилеплена прокламация, собрался народ («многие люди»). В третьем часу дня (с 6 час. 30 мин. до 7 час. 30 мин.) о прокламациях уже стало известно московским властям²⁴. Чтение «письма» на Лубянке, приезд С. Ларионова и А. Башмакова из Земского приказа для изъятия прокламации, поход восставших к Красной площади, чтение прокламации у Земского приказа происходили примерно в 6—8 час. утра.

Заслуживают внимания показания источников об инициативе, исходившей из Сретенской сотни. Не случайно рано утром («на первом часу дня») стрелец К. Нагаев, один из руководителей восстания, пришел со своего двора «из-за трубы» (место между Трубной площадью и Петровскими воротами) на Сретенку, а затем по Сретенке направился к Лубянской площади, где собралась возбужденная толпа²⁵. Активная роль К. Нагаева, этого энергичного агитатора в пользу восстания, хорошо известна; возможно, он призывал стрельцов и солдат к выступлению еще до 25 июля. Однако Нагаев не был, конечно, единственным и главным вожаком восстания.

В материалах московского следствия сохранилось указание на «дело Ондриюшки Шербака» и сведения о том, что 13 августа в Челобитный приказ были посланы жена Шербака Марфа, поп с Дмитровки И. Кирилов, подьячий Каменного приказа И. Дмитриев, стрелец приказа М. Ознобишина Б. Назарьев и другие — всего 9 человек (6 мужчин и 3 женщины)²⁶. Рядом с фамилией стрельца Б. Назарьева сделана помета «каз» (то есть казнен). Среди присланных в Челобитный приказ упоминается вдова иноземца К. Арпова Алена Ивановна; она, как и две другие женщины, очевидно, привлекалась к делу после выяснения вины ее мужа. Поэтому вполне возможно, что иноземец К. Арпов был, как и Б. Назарьев, казнен до 13 августа или же умер от пыток во время следствия. Вина

²³ К. В. Базилевич. Денежная реформа Алексея Михайловича и восстание в Москве в 1662 г., стр. 106—112.

²⁴ ЦГАДА, ф. 210, д. 959, л. 258; д. 327, лл. 5—6; С. А. Белокуров. Дневальные записки Приказа тайных дел 7165—7183 г. «ЧОИДР», 1908, кн. 1(224), стр. 147; А. Н. Зерцалов. Указ. соч., стр. 298.

²⁵ А. Н. Зерцалов. Указ. соч., стр. 298—299.

²⁶ ЦГАДА, ф. 210, д. 959, лл. 298—299; на л. 299 об. заголовок: «Столлик о сыску воров мятежников 170-го году».

А. Щербака неизвестна; несомненно, она была немаловажной, если по этому делу были казнены один или два человека. Возможно, он тоже был казнен до 13 августа, поскольку не говорится о его присылке в Челобитный приказ. Андрей Щербак, может быть, и являлся одним из предводителей восстания 25 июля 1662 г., хотя окончательно об этом судить еще нельзя из-за недостаточности ясных показаний источников.

Народная молва, отразившаяся в показаниях Д. Филипова, связывала инициативу выступления 25 июля прежде всего с именем сретенского тяглеца Андрея. Его же, по-видимому, подразумевал и Г. Н. Собакин, когда писал, что «некоторой вор приклеил лист на Устретенских воротах воровский». И Филипов рассказывает о событиях у Сретенских ворот (хотя прокламации висели и в других местах города); «о некотором воре» у Г. Н. Собакина говорится после слов о «смуте от черных людей», их представителем и выступил этот неизвестный предводитель. Имя его сообщил Д. Филипов, а фамилию, возможно, раскрывает загадочное «дело Ондрюшки Щербака». «Theatrum Euroraeum» сообщает, между прочим, что при разгроме восстания 25 июля в Коломенском был схвачен и предводитель²⁷.

Конечно, помимо главного предводителя, роль активных организаторов восстания сыграли еще несколько человек; одним из них был К. Нагаев. О другом находим упоминание у П. Гордона: некий дьяк (по показаниям П. Григорьева и Л. Жидкого — «подьячий, попов сын») прочел перед Земским двором «бумагу» и приглашал всех идти с ним к царю и требовать прекращения злоупотреблений и выдачи злых царских советников²⁸. Возможно, это был подьячий Каменного приказа И. Дмитриев, привлеченный по «делу Ондрюшки Щербака». Под следствием находился и поп И. Кирилов с Дмитровки; может быть, он был в какой-то связи с «подьячим, поповым сыном». Если это предположение верно, то по делу А. Щербака привлекались, по-видимому, наиболее важные участники движения, его возможные предводители и организаторы. Стрелец Б. Назарьев, казнь которого говорит о его тяжелой вине в глазах руководителей следствия, мог быть одним из тех, кто «тайным обычаем наговаривал», призывал к выступлению стрельцов, солдат и рейтар. То, что арестованные по делу А. Щербака допрашивались в Челобитном приказе, не противоречит данным источников: приказ имел отношение к розыску участников восстания. Руководителю этого приказа окольничему В. С. Вольнскому был послан 18 августа 1662 г. список активных участников движения (К. Нагаев, Л. Жидкий и др.)²⁹.

Менее заметную роль в восстании играл десятский Сретенской сотни Л. Жидкий. Он вручил в Коломенском прокламацию царю Алексею Михайловичу, но свидетели (сотский Сретенской сотни П. Григорьев, сторож Приказа денежного сбора К. Данилов) показывали, что Л. Жидкого в Коломенское «с тем письмом отвели неволею», 26 июля «розных чинов люди» говорили: «Житково де взяли в Коломенское с письмом сильно». Вручив «письмо» царю, он тотчас же ушел в Москву. Правда, Жидкий участвовал в мирском «совете» на Сретенке утром 25 июля, не отказался пойти с «письмом» в Коломенское, в то время как сотский П. Григорьев, «убояся... смерти, отпросился на сторону, а то писмо у подъячего приказал взять своей сотни десятскому Лучке Житкому»³⁰. Но Л. Жидкий не был таким активным организатором восстания, как стрелец К. Нагаев и, возможно, А. Щербак, И. Дмитриев, Б. Назарьев и др. С нашей

²⁷ Там же, ф. 181, д. 115, л. 19; «Theatrum Euroraeum». Ч. IX, стр. 647; В. Берх. Указ. соч., стр. 153; Д. Филипов показал на следствии 26 июля: «Он же де, Демка, слышал от мирских людей..., что в том воровском заводе был Сретенския сотни тяглец Андрюшка...». А. Н. Зерцалов. Указ. соч., стр. 300.

²⁸ П. Гордон. Указ. соч., стр. 23; ЦГАДА, ф. 210, д. 327, лл. 8, 9.

²⁹ ЦГАДА, ф. 210, д. 327, л. 294.

³⁰ Там же, л. 8; д. 959, л. 8; А. Н. Зерцалов. Указ. соч., стр. 298.

точки зрения, в литературе его роль в событиях 1662 г. несколько преувеличена.

Ряд исследователей считает предводителями восстания Л. Жидкого, М. Титова и др.³¹. Ошибочным является и утверждение А. Н. Зерцалова о том, что «главные виновники мятежа» — лица, приговоренные в ходе следствия к казни и даже «начальные люди» полка А. Шепелева³². Эту ошибку повторили впоследствии К. Валишевский, В. А. Никольский, В. Я. Уланов и в известной степени К. В. Базилевич.

Действия восставших утром 25 июля в Москве не сопровождались ответными мерами властей. В отсутствие царя Алексея Михайловича и многих думных чинов всеми делами в столице правила особая комиссия во главе с боярином князем Ф. Ф. Куракиным. В эту комиссию входили окольные В. А. Чеглоков, князь Д. С. Великого-Гагин, князь Т. И. Щербатый, Н. М. Боборыкин, М. С. Волынский, князь И. П. Барятинский, думный дьяк Л. Лопухин³³.

В Москве был расквартирован ряд стрелецких, солдатских, рейтарских полков; в Кремле и по всему городу несли караульную службу тысячи стрельцов многих приказов³⁴, но они соблюдали своеобразный нейтралитет. Возбуждение народа, собравшегося на Лубянке, чтение прокламации, преследование толпой руководителей Земского приказа С. Ларионова и А. Башмакова, которых едва не сбили с лошадей, видели стрельцы приказа Я. Соловцова, стоявшие у своей съезжей избы, находившейся на Лубянке, но они не сделали ни малейшей попытки вмешаться в ход событий³⁵. Такую позицию занимали, очевидно, и другие полки, находившиеся под влиянием слухов об «измене» бояр.

Московские власти явно растерялись и не принимали никаких мер против восставших, которые заполнили Красную площадь. Всего собралось здесь несколько тысяч человек, большая часть их (4—5 тыс.) направилась в Коломенское³⁶. Восставшие «мужики», «чернь», московские «всякие чинов люди», рассказывают источники, бежали в большом числе «розными улицами» из Москвы по направлению к Коломенскому; они несли не только прокламацию («воровской лист»), но и челобитную, были очень возбуждены и настроены весьма решительно. В Москве ударили в набат, по церквам звонили колокола, начались погромы дворов ненавистных народу лиц³⁷.

К восставшим присоединились некоторые ратные люди, в первую очередь солдаты полка А. Шепелева. В исторической литературе до сих пор слабо разработан вопрос о роли солдат и «начальных людей» в восстании. Только К. В. Базилевич считал, что некоторые офицеры вызвали подозрение властей своим поведением во время июльских событий 1662 года.

Между тем этот вопрос заслуживает более серьезного рассмотрения. Не следует, конечно, преувеличивать значение участия служилых людей столицы в восстании, основной действующей силой которого были посадские люди, но нельзя также забывать и о значительной роли «военного

³¹ В материалах, изданных под редакцией А. В. Шестакова, среди предводителей первыми названы Лучкин и Житкин (Лука Жидкий превращен в двух «предводителей»). «Материалы к теме: Крестьянские войны и восстания угнетенных народов в XVII в.», стр. 42.

³² А. Н. Зерцалов. Указ. соч., стр. 244—245.

³³ ЦГАДА, ф. 210, Записная книга Московского стола № 12, лл. 171—171об.; «Дополнения к т. III Дворцовых разрядов». СПб. 1854, стб. 342—343.

³⁴ С. А. Белокуров. Указ. соч., стр. 147 и сл. Представление об их количестве дают данные 1678 г.: из 22 504 стрельцов московских приказов на караулах стояло 5 437 чел. ЦГАДА, ф. 396, д. 48874, лл. 1—12; д. 8254, лл. 1—3. «На царском дворе и около казны» бывает по 500 стрельцов ежесуточно, как свидетельствовал Г. Котошихин (Г. Котошихин. О России, стр. 90).

³⁵ ЦГАДА, ф. 210, д. 327, л. 7; А. Н. Зерцалов. Указ. соч., стр. 299.

³⁶ П. Гордон. Указ. соч., стр. 23; Г. Котошихин. О России, стр. 102.

³⁷ ЦГАДА, ф. 210, д. 327, лл. 33, 69, 70; ф. 181, д. 115, лл. 20—20 об.; Г. Котошихин. О России, стр. 102; А. Н. Зерцалов. Указ. соч., стр. 313, 315 и др.

элемента». В полку А. Шепелева в 1661—1662 гг. насчитывалось около 2,5 тыс. солдат³⁸. Более $\frac{1}{5}$ состава полка приняло участие в восстании. Г. Н. Собакин сообщает, что в Коломенское ходили 500 солдат с начальными людьми, все они двинулись из Москвы по собственной инициативе (одни шли «с ружьем, а иные без ружья»). Это подтверждается показанием солдата полка А. Шепелева С. Вешнякова: «...пошли в Коломенское челобитчики, розных чинов люди, и они де, выборные солдаты, почели бить в барабаны, и отобралось де их человек с пятьсот, и пошли в Коломенское, и пристали к мужиком»³⁹.

Денежная реформа, маленькое жалованье, дороговизна, слухи о военной измене не могли не оказать влияния на полк, более половины которого в 1661 г. принимало участие в военных действиях. В Москве солдатские роты этого полка были расквартированы в 10 слободах (Кожевничкой, Голутвенной, Покровской и др.). Рано утром в день восстания там «учинился шум» среди «мужиков», посадских людей; на Покровке была пририта прокламация; солдаты выбегали из домов и, не слушая офицеров, присоединялись к восставшим. Кадашевец А. Семенов 4 августа показал, что «солдаты де Агеева полку Шепелева и иные многие люди из лавок всех людей выбили, а говорили: кто не пойдет, — хотели побивать». Командиры пытались остановить солдат, уговаривали их не ходить в Коломенское, но солдаты «учинились непослушны». Поэтому командиры вынуждены были отправиться в Коломенское, но отнюдь не из сочувствия к восставшим. В обстановке начавшегося восстания, когда не от кого было получить распоряжений и передавались слухи о сборе полка у Серпуховских ворот, о пребывании А. Шепелева в Коломенском (на самом деле он был в Кремле), солдаты вместе с посадскими людьми направились к летней резиденции царя; командиры пошли вслед за ними, одни в надежде остановить солдат и вернуть в Москву, другие предполагали получить в Коломенском указания от начальства (боярина С. Л. Стрешнева, полковника А. Шепелева) и принять участие в подавлении восстания⁴⁰.

Потоки восставших, к которым присоединилось более 500 ратных людей, между 8 и 9 часами утра разными улицами через ворота Земляного города устремились («бежали») в Коломенское. Московские власти не могли этому воспрепятствовать, они только послали царю весть, «что на Москве учинилась смута и начали дома грабить»⁴¹. Восставшие («многие люди») всем встречным сообщали, что нашли «письмо», в котором написаны «изменники». Тяглецу Покровской сотни Т. Андрееву, шедшему из Коломенского в Москву, некоторые из них говорили, что в Москве «забивают всех ослепьем» и в Коломенское они идут «побить изменников, а будет кто учнет за изменников стоять, мы де и тех побьем, а самим всем стоять друг за друга и помереть всем заодно, и про листы ему на изменников сказывали»⁴². К месту назначения восставшие пришли, вероятно, между 9 и 10 часами утра⁴³.

Их приход был неожиданным. В Коломенском находилось в это время царское семейство (всего 14 человек); их обслуживал целый штат придворных; с царицей, ее детьми и золовками приехало более 100 человек⁴⁴.

³⁸ В это время по смете соль получали 2 461 урядник и солдат полка А. Шепелева. ЦГАДА, ф. 141, д. 112, лл. 1—2; д. 113, л. 1. В начале 1663 г. полк насчитывал 2 287 чел. Там же, д. 109, л. 124.

³⁹ Там же, ф. 181, д. 115, л. 20; ф. 210, д. 959, лл. 227—228.

⁴⁰ Там же, ф. 210, д. 327, лл. 32—34, 66, 69—78, 92; д. 959, лл. 228—229; А. Н. Зерцалов. Указ. соч., стр. 296—297, 313—323.

⁴¹ Г. Котошихин. О России, стр. 102.

⁴² А. Н. Зерцалов. Указ. соч., стр. 326.

⁴³ Холопы В. Юрьев и В. Шеколдин вышли из Москвы в Коломенское: один — в первом, другой — в третьем часу дня. В. Юрьев пришел в третьем часу (между 6 час. 30 мин. и 7 час. 30 мин.), то есть шел около двух часов. В. Шеколдин пришел, следовательно, после 9 часов, в это время в Коломенском уже начался «гиль». ЦГАДА, ф. 210, д. 959, л. 258; А. Н. Зерцалов. Указ. соч., стр. 325.

⁴⁴ Там же, ф. 396, д. 8122, лл. 1—10.

С царем, помимо штата слуг, прибыли думные чины (бояре, окольные и т. д.), придворные (спальники, стряпчие, стольники и т. д.), которые также для услуг имели своих холопов. Охрана дворца состояла из стрельцов. Г. Н. Собакин сообщает, что «государев двор» охраняли «головы стрельцкие». В ночь на 25 июля охрану несли стрельцы приказа Я. Соловцова⁴⁵, с которым была, очевидно, половина приказа (примерно 400—500 стрельцов), так как остальные во главе с В. Баранчевым находились в Москве. Таким образом, в царской резиденции было свыше тысячи человек, способных оказать сопротивление. Это подтверждается словами Г. Котошихина о том, что в Коломенском «было чем противитися» восставшим. Мнение некоторых исследователей об отсутствии войска в Коломенском не соответствует действительности⁴⁶. Более прав К. В. Базилиевич, отмечавший, что охрана коломенского дворца была слабее, чем охрана Московского Кремля⁴⁷. Но не только этим можно объяснить растерянность царя и властей. Последние не помешали восставшим безнаказанно собираться на Красной площади и громить дворы в Китай-городе, хотя в Москве было больше войск. Дело в том, что число восставших было значительным, а их настроение — решительным. 4—5 тыс. человек, пришедших в Коломенское, хотели идти на царский двор, но их туда не пустили стрельцы. Стрелецкие головы докладывали царю, что восставшие «на двор великого государя насилством идут и ворота ломают», бьют челом, чтобы царь принял челобитную и прокламацию («лист»), выдал бояр «за их измену» и «велел казнить смертною казнию»⁴⁸. Царь, будучи в церкви, выслал для переговоров бояр князя Я. К. Черкасского, Н. И. Одоевского, князя Ю. А. Долгорукова, окольных Р. М. Штрешнева, И. А. Гавренева, думного дьяка С. Заборовского с приказом взять у пришедших людей «лист и челобитную» и передать им, чтобы возвращались в Москву; туда обещал направиться и сам царь. Но восставшие «бояром отказали и листа и челобитной не дали и учинилися великого государя указу силны и били челом с великим невежеством». П. Гордон подтверждает слова Г. Н. Собакина: в Коломенском мятежники «бурно потребовали у некоторых бояр и придворных, чтобы те доложили о них царю». Алексею Михайловичу, вышедшему из церкви, восставшие «били челом з большим невежеством и лист воровской и челобитную подносили». Теснясь вокруг царя, они громкими «непристойными криками требовали уменьшения налогов»⁴⁹.

События в Коломенском продолжались, несомненно, более часа; красносельцы Ф. Иванов, С. Прокофьев, «постояв... с час» с восставшими, ушли из села Коломенского; должно быть, восставшие оставались во дворе коломенского дворца, который находился почти в осадном положении. П. Гордон, посланный сюда полковником Кравфуирдом для получения приказаний, не смог попасть во дворец, ибо «мятежники так тщательно преградили всякий доступ ко дворцу, что Гордон не мог туда пройти и с трудом избежал их рук». Вели себя восставшие «с шумом», «с воплем и многим безчинием».

Решительными действиями и требованиями восставших и объясняется миролюбивый тон Алексея Михайловича. Царь и бояре «упрекали» их за «мятежное» поведение, уговаривали быть терпеливее, обещая уменьшение налогов и расследование вины «изменников» — бояр. Восставшие поверили обещаниям царя, один из них (фамилия его неизвестна) «с царем бил по рукам». По-видимому, он был представителем восставших, может

⁴⁵ Там же, ф. 181, д. 115, л. 20; А. Н. Зерцалов. Указ. соч., стр. 327, 329.

⁴⁶ Г. Котошихин. О России, стр. 102; ср. С. К. Богоявленский. Указ. соч., стр. 134; М. Снегирев. Московские слободы. М. 1947, стр. 117.

⁴⁷ К. В. Базилиевич. Денежная реформа Алексея Михайловича и восстание в Москве в 1662 г., стр. 86.

⁴⁸ ЦГАДА, ф. 181, д. 115, лл. 20—20об.

⁴⁹ П. Гордон. Указ. соч., стр. 23.

быть, их предводителем. После такого «договора» восставшие направились в Москву, где, согласно обещаниям царя и бояр, должно было начаться расследование боярской «измены». Это было, вероятно, между 10 и 11 часами утра⁵⁰.

В Москве события развивались еще более бурно. Погромы начались утром (часов около восьми), вероятно, еще до ухода первой партии восставших в Коломенское. П. Гордон писал, что некоторые из восставших разграбили дом В. Шорина, большая же часть их направилась в Коломенское. Очевидец событий шведский комиссар А. Эберс рассказывал, что народ ворвался в дома В. Шорина и С. Задорина; все в этих домах было разграблено и унесено. Восставшие (в погроме участвовало несколько тысяч человек) наводили ужас в городе⁵¹. Именно этим объяснялось продолжавшееся бездействие московских властей. Из следственных материалов известно, что было арестовано более 225 «грабелыщиков», часть из них была поймана без поличного; другие утверждали, что они подняли или отняли «грабленую рухлядь». 26 июля 18 чел. были повешены⁵². В их числе, несомненно, наиболее активные участники восстания в Москве (восемь посадских людей: трубник К. Оборин, тяглецы Казенной слободы М. Деев, Ярославской Спасской слободы В. Седов, «гуляющий человек» Г. Григорьев, подьячий А. Пестриков и др., пять служилых людей: драгун полка В. Змеева П. Ряполов, пушкарь Ф. Стоянов и др., два холопа: Л. Чекан и Г. Софронов и др.). Во время допросов в московской розыскной комиссии, производившихся между 27 июля и 1 августа, были выявлены и другие активные повстанцы.

Двор В. Шорина находился в Китай-городе около Варварских ворот⁵³, С. Задорин жил на Посольской улице, около двора И. Безобразова, недалеко от Большого Посольского двора на Ильинке⁵⁴. Со двора В. Шорина несли различное имущество, многое было брошено на улицах и перекрестках во время погромов и арестов. «Человек» В. Чанчикова (из Гостиной сотни) М. Еремеев показал: «Как грабили Васильев двор Шорина, и он де в то время на Васильеве дворе был и винился, что взял две пары соболей». Холоп Б. Языкова И. Григорьев увидел со двора, как «каменщики несут грабленую рухлядь человек з дватцать», часть вещей — волошскую попону, два песцовых лоскута и др. — они «покинули», остальное унесли с собой. Холоп В. Голохвастова И. Анисимов взял «запасу и рухляди, да ему же дал выборного Агеева полку Шепелева солдат Ивашко Смыслов грабежные с Васильева же двора два образа окладных». Крестьянин села Пахрина, Московского уезда, Г. Астафьев приехал с овсом на Большой Посольский двор на Ильинку: «как де он съехал с Посольского двора, — и ухватили де ево грабелыщики и наметали в телегу рыбы, и сами сели и поехали за Никольские ворота». Здесь речь идет о восставших, громивших двор гостя С. Задорина в Посольском переулке. Со двора В. Шорина были вынесены деловые бумаги, их поднял за Никольскими воротами Китай-города на Лубянке холоп П. Иванов. В бумагах оказались «записка товаром и росписи черные с

⁵⁰ О приходе первой группы восставших в Коломенское см. ЦГАДА, ф. 181, д. 115, лл. 20—21; ф. 210, д. 959, лл. 228—229; А. Н. Зерцалов. Указ. соч., стр. 297, 298, 309—310, 317, 325, 327. 329; П. Гордон. Указ. соч., стр. 23—24; Г. В. Форстен. Указ. соч., стр. 95—96, 97 (примеч.); «Theatrum Europaeum». Ч. IX, стр. 647; «Древняя российская вивлиофика». («ДРВ»). Ч. V—VI. Мышкин. 1895, стр. 26 (житие Ф. Ртищева); В. Берх. Указ. соч., стр. 153; К. В. Базилевич. Денежная реформа Алексея Михайловича и восстание в Москве в 1662 г., стр. 89—90.

⁵¹ П. Гордон. Указ. соч., стр. 23; Г. В. Форстен. Указ. соч., стр. 96, 97 (примеч.).

⁵² ЦГАДА, ф. 210, д. 959, лл. 114—115.

⁵³ Там же, ф. 396, д. 1163 (Переписная книга церквей в Кремле и Китай-городе. 1657 г.), лл. 64об.—66, 68—70.

⁵⁴ Там же, д. 13107, лл. 1—8 (опись 1670 г. двора гостя С. Задорина, «что был Юдиных»); С. А. Белокуров. Планы г. Москвы XVII века. М. 1898, стр. 24—25 (план Ильинки).

пеною. А гость Василий Шорин сказал: те письма ево товарные». В погроме участвовали служилые люди. Стрелецкий сотник С. Копьев по доносу «человека» В. Шорина Ивана Казанца арестовал 19 рейтар полка В. Змеева из служек Ипатьевского монастыря, они были взяты с «грабежными животами» В. Шорина (рыба, медные и оловянные сосуды и др.)⁵⁵.

Погромы продолжались до ухода новой партии восставших из Москвы в Коломенское с сыном В. Шорина. Эпизод с сыном В. Шорина⁵⁶ приобретает совсем иной смысл благодаря известию о том, что он значился в числе «изменников», перечисленных в прокламации. Ненависть к В. Шорину была перенесена и на его сына Бориса, который тоже был гостем и вел торговые операции, несомненно, вместе с отцом⁵⁷. Во время погрома их двора восставшие, очевидно, искали обоих «изменников» — отца и сына, но В. Шорин спрятался в Кремле на дворе Черкасских, а сын, переодевшись в крестьянское платье, «побежал с Москвы в телеге». Его поймали в четвертом часу дня, то есть между 7 час. 30 мин. и 8 час. 30 мин. утра, вскоре после ухода первой партии восставших в Коломенское. После этого Б. Шорина привели в Кремль «ко Мстиславскому двору», где, не встречая противодействия властей, восставшие, очевидно, допрашивали его и «научили говорить, чтоб он сказывал, что отец его побегал в Польшу вчерашнего дня з боярскими листами». Восставшие после чтения прокламации были уверены в «измене» В. Шорина и бегстве последнего в Польшу, так как его не было дома во время погрома. В Кремле собралось довольно много восставших («воров болши 5 000 человек»). Они вместе с Б. Шориным, свидетелем «измены» отца, направились в Коломенское. Тем временем ударили в набат. У Варварских ворот «неведомо какие люди, а на них де бандалеры», то есть военные перевязи, посадили Бориса Шорина в телегу крестьянина М. Т. Бардакова. Следовательно, в эпизоде с Б. Шориным не последнюю роль сыграли служилые люди⁵⁸.

Лишь после ухода в Коломенское второй группы повстанцев московские власти приняли меры против восстания. По «присылке» (приказу) из Коломенского боярин Ф. Ф. Куракин посылал для «уимки» восстания своих «товарищей», в частности окольников Н. М. Боборыкина, с ними стрелецких голов с приказами. Восставших арестовывали также стрельцы полковника и головы А. Лопухина, срочно вызванные в Кремль из Яузской слободы.

После прекращения погромов «бояре Москву велели запереть по всем воротам кругом», чтобы никого не впускать и не выпускать из города⁵⁹. На дворы И. А. Милославского, окольников Ф. М. Ртищева, Б. М. Хитрово и др. были направлены стрельцы «для всякого бережения и грабежу»⁶⁰.

Встреча двух партий восставших (одна шла в Коломенское из Москвы, другая — из Коломенского в Москву) произошла где-то на полпути между столицей и летней царской резиденцией, вероятно, уже после 11 час. утра; в Коломенское оба потока пришли около 12 час. дня; об-

⁵⁵ ЦГАДА, ф. 210, д. 959, лл. 64—65, 135—136, 140—141, 155, 194—203, 230—231, 236—237, 241—242, 248, 253, 266.

⁵⁶ К. В. Базилевич. Денежная реформа Алексея Михайловича и восстание в Москве в 1662 г., стр. 91.

⁵⁷ ЦГАДА, ф. 141, л. 58, лл. 18—19 (судное дело гостя Б. В. Шорина с колыванским бурмистром М. Пательсеном).

⁵⁸ ЦГАДА, ф. 210, д. 959, л. 184; А. Н. Зерцалов. Указ. соч., стр. 302, 326; С. А. Белокуров. Дневальные записки, стр. 147; Г. Котошихин. О России, стр. 102—103.

⁵⁹ ЦГАДА, ф. 210, д. 959, лл. 7, 20—21, 49, 129—131, 225—226; С. А. Белокуров. Дневальные записки, стр. 110—111, 125—126, 147—150; Г. Котошихин. О России, стр. 103.

⁶⁰ ЦГАДА, ф. 181, д. 115, л. 26. А. Эберс говорит, что стража была поставлена у домов «всех знатных»; Г. В. Форстен. Указ. соч., стр. 96.

щая численность восставших почти удвоилась, хотя часть участников первой партии уже отошла от движения и возвратилась в Москву (например, Л. Жидкий и др.). Огромная толпа снова заполнила площадь коломенского дворца; здесь по-прежнему были солдаты полка А. Шепелева.

Между тем в Коломенское стягивались войска. В литературе распространено мнение, что подавили восстание в Коломенском в основном два стрелецких приказа — А. С. Матвеева и С. Ф. Полтева (К. В. Базилевич называет также полк Я. Соловцова)⁶¹. Это утверждение основано на неточных показаниях П. Гордона, который описал не все события восстания, а только то, что видел сам.

В Коломенском были собраны более значительные силы. А. Эберс утверждает, что при царе было 2 тыс. стрельцов; из Москвы прислано еще столько же. Из Москвы, писал Г. Котошихин, бояре послали все стрелецкие полки (это, конечно, неточно) и надворный полк солдат, всего 3 тыс. человек. К Коломенскому, помимо приказов А. С. Матвеева и С. Ф. Полтева, пришли стрелецкий приказ Б. Бухвостова, полки Д. Крафорта (1 200 человек, стояли под Кожуховом), А. А. Шепелева (1 000—1 500 человек, стояли под Новинками)⁶². Полковник Д. Крафорт (Кравфуирд) 29 декабря 1662 г. за то, что «был в прошлом во 170 году июля в 25 числе в селе Коломенском для оберегания бунтовщиков», получил в награду серебряный ковш и 40 соболей. За такую же «службу» были пожалованы (по паре соболей) 29 полковников, 22 полуполковника, 24 майора, всего 75 человек (большой частью иностранцы). 19 августа 1662 г. «за службы» получили серебряные ковши также 9 голов московских стрелецких приказов⁶³.

Кроме того, в подавлении восстания принимали участие придворные; 25 июля их было в Коломенском около 400 чел.⁶⁴, из них после восстания приехало 64 чел., до и в момент восстания — 187 чел., время приезда остальных 142 уточнить не удалось. «Дворовые люди» принимали участие в расправе над восставшими. Известно, что 28 сентября 1662 г. они были награждены по именному указу Алексея Михайловича⁶⁵.

В Коломенском и вокруг него было собрано большое войско, а также придворные и холопы. Общее количество их достигало 6—7 тыс., а возможно, и 8—10 тыс. человек. Ряд полков, начальники которых получили довольно скромные награды, очевидно, не принимал активного участия в подавлении восстания; некоторые пытались схватить повстанцев между Коломенским и Москвой, другие охраняли арестованных в Коломенском и т. д.

Войска, придворные, иностранцы из Немецкой слободы стягивались чрезвычайно поспешно; некоторые полки и приказы не удалось собрать полностью. Стрелецкие приказы А. С. Матвеева и С. Ф. Полтева были «в слабом составе», полк А. А. Шепелева — «очень немногочисленным, так как многие из солдат присоединились к мятежникам»⁶⁶. «Наспех вооруженные» стрелецкие полки, «укрываясь буераками и по загорью туда

⁶¹ К. В. Базилевич. Денежная реформа Алексея Михайловича и восстание в Москве в 1662 г., стр. 104.

⁶² ЦГАДА, ф. 181, д. 115, л. 22об.; Г. Котошихин. О России, стр. 103; Г. В. Форстен. Указ. соч., стр. 97, примеч.; немецкий текст (перевод Г. В. Форстена в данном случае, как и в ряде других, неточен: он говорит о 200 стрельцах (1) в Коломенском. Там же, стр. 96); А. Н. Зерцалов. Указ. соч., стр. 313—314, 319, 324 и др.; П. Гордон. Указ. соч., стр. 23—25.

⁶³ ЦГАДА, ф. 396, д. 8140, л. 1; д. 8266, лл. 1—3; д. 8283, лл. 2—4, 1; д. 8308, л. 1; А. Н. Зерцалов. Указ. соч., стр. 360—361.

⁶⁴ ЦГАДА, ф. 210, столбцы Белгородского стола, д. 497, л. 96.

⁶⁵ Там же, ф. 396, расходные книги товаров и вещей на жалованье, д. 317, лл. боб.—7.

⁶⁶ П. Гордон. Указ. соч., стр. 24.

(в Коломенское.— В. Б.) пришли»⁶⁷. Сначала отправились стрелецкие полки, затем выступил со своим полком А. А. Шепелев. У Серпуховских ворот его встретил боярин С. Л. Стрешнев, посланный, вероятно, потопорить этот полк. По его приказу А. Шепелев оставил в Даниловском монастыре роту солдат. С. Л. Стрешнев поехал в Коломенский дворец, захватив с собой встретившихся ему по дороге 10 капитанов и поручиков полка А. Шепелева (в том числе И. Грабленого), сделавших незадолго до этого вместе с окольничим Р. М. Стрешневым неудачную попытку «солдат отбивать» от восставших. В Коломенском за С. Л. Стрешневым, капитанами и поручиками «солдаты (полка А. Шепелева.— В. Б.) и всяких чинов люди бунтовщики учили гонять с палками», некоторых «начальных людей» (Д. Кудрявцева, И. Грабленого) «мужики и солдаты в Коломенском били и в воду вогнали», И. Грабленого «сбили с лошади». По-видимому, С. Л. Стрешнев сделал попытку уговорить солдат. Капитан Д. Кудрявцев показал, что «солдаты учинились боярину непослушны, учили за ним гонять». С. Л. Стрешнев снова приехал в полк А. Шепелева (год Новинки). Затем, вероятно, состоялась третья попытка уговорить восставших солдат. Алексей Михайлович послал к ним боярина С. Л. Стрешнева и полковника А. Шепелева с указом, «чтоб оне к их (восставших.— В. Б.) воровству не приставали и к бунту и вину свою к нему, великому государю, принесли»⁶⁸.

Во время второго прихода восставших в Коломенское снова происходили какие-то переговоры с боярами («бояре выходили на улицу»). Переговоры не дали результатов, восставшие «сердито и невежливо» разговаривали с Алексеем Михайловичем и собирались перейти к решительным действиям. Поп Иван из Гончарной слободы кричал им: «Тепере де и пора, не робейте». Вслед за этим началась расправа. Царь «закричал и велел» стрельцам, придворным и дворовым людям «побивать» восставших до смерти, «сечь и рубить без милости, имавши их, вешать... и в реках топить и в болотах»; арестованных приказано было сажать в столовую избу; «многих черных людей и бунтовщиков и всяких вольных людей в селе Коломенском побили и перевешали»⁶⁹.

Восставших ловили и убивали в Коломенском, его окрестностях, на всех дорогах между селом и столицей, под стенами Земляного города⁷⁰. События, начиная со второго прихода восставших и кончая расправой, разыгрались, вероятно, между 12—13 часами или немного позже. Рейтар П. Гребенкин пошел из Москвы в Коломенское на Потешный двор в восьмом часу дня (между 11 час. 30 мин. и 12 час. 30 мин.), «и, не допустя его к Потешному двору, на дороге поймали» и арестовали, по-видимому, около часу дня. Восстание было подавлено в середине дня 25 июля, примерно в 13 часов. Таким образом, продолжалось оно около 7—8 часов.

О количестве жертв во время расправы с восставшими и после расследования показания источников весьма разноречивы. Одни авторы говорят о «многих» убитых, повешенных, утонувших и потопленных (П. Гордон, Г. Н. Собакин); другие — о нескольких сотнях или тысячах убитых, казненных и т. д.⁷¹. Нам представляется, что более достоверные

⁶⁷ А. Я. Хилков. Указ. соч., стр. 362.

⁶⁸ ЦГАДА, ф. 181, д. 115, л. 22; ф. 210, д. 327, лл. 30, 71, 92; А. Н. Зерцалов. Указ. соч., стр. 313—315, 317.

⁶⁹ ЦГАДА, ф. 181, д. 115, л. 22; ф. 210, д. 327, л. 46; «ДРВ». Чч. V—VI, стр. 26; А. Н. Зерцалов. Указ. соч., стр. 303; Г. Котошихин. О России, стр. 103.

⁷⁰ ЦГАДА, ф. 210, столбцы Приказного стола, д. 327, л. 47; д. 959, лл. 49, 131, 258; столбцы Московского стола, д. 398, лл. 127—128, 130; А. Н. Зерцалов. Указ. соч., стр. 324—326, 329—331, 333—334, 337, 348, 350—353; П. Гордон. Указ. соч., стр. 24—25.

⁷¹ ЦГАДА, ф. 181, д. 115, лл. 21об., 22об.; П. Гордон. Указ. соч., стр. 25; Г. В. Форстен. Указ. соч., стр. 96, 97 (прим.); А. Майерберг. Указ. соч., стр. 201; «Theatrum Europaeum». Ч. IX, стр. 647; А. Я. Хилков. Указ. соч., стр. 362.

сведения приводит Г. Котошихин. Он сообщает об аресте свыше 200 повстанцев в Москве, о 7 тыс. убитых и арестованных, более 100 утонувших в Москве-реке в Коломенском; там же было повешено «до 150 человек». В ночь на 26 июля «пущих воров» потопили в Москве-реке с «больших судов» (следовательно, «пущих воров» было немало, по-видимому, несколько десятков человек)⁷². Г. Котошихин не говорит, сколько было убито; вероятно, их было несколько сот человек (по А. Эберсу, 400). Во всяком случае убитых, утонувших, потопленных и повешенных было не менее 500 чел., а может быть, и больше. 7 тыс. посеченных и переловленных — цифра, видимо, преувеличенная Г. Котошихиным, но не в таких размерах, как полагает К. В. Базилевич. В результате неполного и неточного анализа материалов следствия он, основываясь на данных о 1 200 участниках восстания, сосланных с женами и детьми, пришел к выводу, что число повстанцев не превышало 400 чел., так как средний размер семьи был не меньше трех человек. Общее количество арестованных К. В. Базилевич исчисляет в 450—500 чел. (то есть в 14—15 раз меньше, чем у Г. Котошихина)⁷³. Но приведенная Котошихиным цифра (7 тыс.) включает наряду с арестованными и убитых. К. В. Базилевич не учел, что данные о 1 200 ссыльных относятся только к тем восставшим, которые были заключены в Николо-Угрешском монастыре, откуда их и вывозили к местам ссылки. Более 250 человек было сослано через Москву⁷⁴. Кроме того, источники не подтверждают, что сосланные из Угрешского монастыря были направлены в Сибирь, Астрахань и т. д. сразу же вместе со своими семьями. Это сделать было нелегко, так как у многих осужденных семьи находились далеко от Москвы и не могли быть быстро привезены в столицу. Значительная часть семей восставших совсем не была сослана. Так, солдаты полка А. Шепелева, бежавшие впоследствии из мест ссылки, возвращались к своим семьям (в Курский, Черньский, Рыльский и др. уезды)⁷⁵. В грамоте из Разрядного приказа в Нижний Новгород в 1665 г. сообщались фамилии бежавших из ссылки 38 участников восстания (ростовцев, суздальцев, ярославцев, галичан, белоозерцев); грамота предписывала снова их сослать «з женами и з детьми». Сохранились известия о 26 сосланных за восстание бронниках, кадашевцах, хамовниках, о солдатах полков М. Кровкова, М. Вестова; все они не упоминаются в сыскных делах 1662 года⁷⁶. Таким образом, ряд восставших остался вне поля зрения сохранившихся следственных дел; многие из них были сосланы без семей. Приказ сыскных дел 3 августа 1662 г. предписывал московским властям в крайне спешном порядке готовить струги и кандалы для 1 200 ссыльных, «а ково имяны колодников в ссылку послать и для сыску жон их и детей роспись прислана будет впредь». Таким образом, предусматривалась ссылка только участников восстания; их семьи предстояло еще «сыскать» и сослать потом. Это полностью подтверждает Г. Котошихин: «бунтовщиков» «розослали всех в далные города... и после их по скаскам их, где кто жил и чей кто был, и жен их и детей по тому же за ними розослали».

Участников восстания выслали, вероятно, в первой половине августа. К этому времени их семьи нельзя было, конечно, собрать. 5 августа из Москвы в Угрешский монастырь были посланы 10 стругов «водою»,

⁷² Г. Котошихин. О России. Перевод «со 150 человек» повешенных, данный в 3-м изд. (СПб. 1884, стр. 115—116), более точен, чем перевод в 4-м изд. (СПб. 1906, стр. 103—104) — «со 108 человек» (!).

⁷³ К. В. Базилевич. Денежная реформа Алексея Михайловича и восстание в Москве в 1662 г., стр. 101.

⁷⁴ ЦГАДА, ф. 210, д. 959, л. 267; А. Н. Зерцалов. Указ. соч., стр. 352—354.

⁷⁵ ЦГАДА, ф. 210, столбцы Приказного стола, д. 384, лл. 407—408; д. 975, лл. 52—57, 75—79, 82—83, 138—140; столбцы Белгородского стола, д. 563, лл. 131—134.

⁷⁶ Там же, столбцы Московского стола, д. 398, лл. 126—131; столбцы Белгородского стола, д. 563, лл. 127—129; столбцы Приказного стола, д. 990, лл. 1—60; ф. 396, д. 981, лл. 45, 57, 64, 68, 85об.; д. 43236, лл. 1—9.

а кандалы «для поспешенья на подводах». Для охраны ссыльных было выделено 500 стрельцов во главе со стрелецким головой А. Бестужевым⁷⁷. 1 200 ссыльных или подавляющее большинство из них являлись участниками восстания 1662 года. Вместе с высланными через Москву их насчитывалось около 1 450 человек. Но и это число нам не кажется окончательным, так как не все сведения о восстании известны. Сыск принял широкий размах, в нем участвовал ряд следственных комиссий и приказов. К сожалению, многие следственные документы не сохранились⁷⁸.

Результатом сыска, принявшего такие размеры, была ссылка, по-видимому, большего числа восставших, чем это можно заключить на основании обнаруженных источников. Всего было убито, потоплено, повешено и арестовано не менее 2 тыс. (в 4—5 раз больше, чем полагал К. В. Базилевич). Сведения о 7 тыс. казненных, 15 тыс. подвергнутых другим наказаниям, приводимые некоторыми историками, основаны на неправильном толковании данных Г. Котошихина, который имел в виду не участников восстания 1662 г., а фальшивомонетчиков⁷⁹. Недоверие К. В. Базилевича к сообщению Г. Котошихина о повешении около Коломенского 150 участников восстания (у К. В. Базилевича — 108) и потоплении «пущих заводчиков» столь же необоснованно. К. В. Базилевич исходил из того, что в материалах следствия нет указаний, подтверждающих сообщения Г. Котошихина; по его мнению, не было никакого смысла сооружать «устрашающие орудия казни на полях в стороне от столицы»: столь массовые казни нанесли бы серьезный ущерб следствию⁸⁰.

Но упоминаемые в следственных делах 18 восставших, повешенных в Москве 26 июля, тоже принадлежали к числу наиболее активных участников движения, тем не менее их умертвили с такой поспешностью, которая говорит о классовой ненависти и страхе, испытываемых царем и его приближенными. Именно этими чувствами руководствовались царь и придворная верхушка, учиняя жестокую расправу в Коломенском. В обстановке погрома, происходившего в Коломенском, у карателей не было времени думать о будущем следствии; они рубили и вешали без пощады, не разбирая активных и пассивных участников движения, убивая, по выражению А. Я. Хилкова, «и невинных смотрельщиков, зане разбирать было некогда»⁸¹. Царь испытывал чувство страха и после разгрома восстания; по его приказу к дворам И. А. Милославского, Ф. М. Ртищева, Б. М. Хитрово должна была быть выслана охрана стрельцов. Князь А. Н. Трубецкой во второй половине дня 25 июля был срочно послан из Коломенского в Москву для сыска и руководства всеми делами⁸². Замена князя Ф. Ф. Куракина князем А. Н. Трубецким объясняется, очевидно, тем, что царь и придворные были недовольны медлительностью и нерасторопностью главы московской власти.

Исходя из своего анализа следственных документов и выводов о числе арестованных и сосланных, К. В. Базилевич сомневался в достоверности сообщений современников об общем количестве участников восстания. Но от следственных материалов, которые сохранились далеко не полностью, нельзя требовать ответа на этот вопрос. Показания современников (большинство из них очевидцы) на этот счет на редкость единодушны: Г. Котошихин говорит о двух партиях восставших, примерно по 5 тыс. чел. в каждой (10 тыс.); П. Гордон упоминает только первую

⁷⁷ Там же, ф. 210, д. 959, лл. 54—57, 63, 270, 273—274, 279; Г. Котошихин. О России, стр. 104.

⁷⁸ А. Н. Зерцалов. Указ. соч., стр. 247.

⁷⁹ Г. Котошихин. О России, стр. 105.

⁸⁰ К. В. Базилевич. Денежная реформа Алексея Михайловича и восстание в Москве в 1662 г., стр. 100—101.

⁸¹ А. Я. Хилков. Указ. соч., стр. 362.

⁸² ЦГАДА, ф. 181, д. 115, лл. 23об., 25 об.—26; ф. 210, д. 959, лл. 2—3; «Дополнения к т. III Дворцовых разрядов», стб. 344—345.

партию (4—5 тыс. чел.), вторую он не видел; А. Майерберг приводит цифру 9 тыс.; в «Theatrum Euroraеum» сказано о 10 тыс.; у А. Эберса — «несколько тысяч» (подразумевается первая партия, о второй не говорится)⁸³; в итоге — 9—10 тыс. участников восстания. Эти цифры, может быть, несколько преувеличены современниками, на которых события 25 июля произвели чрезвычайно сильное впечатление, но, тем не менее, названное ими число довольно близко к действительности.

Предположение К. В. Базилевича о 2—3 тыс. участников выступления опровергается показаниями источников. Если при подавлении восстания было убито и арестовано более 2 тыс. чел., то общее число восставших должно быть увеличено в несколько раз. В нем участвовала значительная часть московского населения, в первую очередь посадских людей, которые составляли большинство восставших; служилых людей среди участников движения насчитывалось менее 10%⁸⁴.

Таким образом, в историографии при освещении истории восстания 25 июля 1662 г. было сделано немало ошибочных выводов. Принципиальные вопросы этого восстания (его классовый смысл, цели, место в ряду других восстаний XVII в.) нашли свое решение в работах К. В. Базилевича. Но некоторые стороны восстания получили у него неправильное или недостаточное освещение. Выводы К. В. Базилевича объективно приводили к недооценке силы и размеров московского восстания 1662 г., которое, хотя и продолжалось всего полдня, парализовало действия властей в Москве и Коломенском. Этим, а также нерешительностью московского гарнизона, часть которого соблюдала даже известный нейтралитет, объясняется полная свобода действий восставших почти на всем протяжении выступления.

Действия восставших в Москве и Коломенском не ограничивались подачей челобитных, прокламаций и требованием казни «изменников». В Коломенский дворец восставшие ворвались, ломая ворота, преодолевая, очевидно, сопротивление стрельцовой охраны; здесь же дело едва не дошло до расправы с боярином С. Л. Стрешневым и «начальными людьми» полка А. Шепелева. В Москве были разгромлены дома гостей В. Шорина и С. Задорина; восставшие свободно входили на территорию Кремля, где под охраной стрельцов сидели в Золотой палате перепуганные представители московской власти. Общее количество восставших приближается к 9—10 тыс. чел., из них более 2 тыс. погибли или были сосланы после следствия. Ведущей силой восстания являлись посадские низы Москвы; заметную роль играли в нем также служилые люди. Из среды этих двух групп вышли предводители, организаторы восставших.

Подавление восстания стало возможным лишь после ухода из Москвы основной массы повстанцев и сосредоточения в Коломенском и вокруг него крупных военных сил (от 6 до 10 тыс.). Восстание в Москве 25 июля 1662 г. по количеству участников, их решительным требованиям и действиям явилось одним из крупнейших городских антифеодальных движений в России XVII века.

⁸³ Г. Котошихин. О России, стр. 102, 103; П. Гордон. Указ, соч., стр. 23, А. Майерберг. Указ, соч., стр. 200; «Theatrum Euroraеum». Ч. IX, стр. 647; Г. В. Форстен. Указ, соч., стр. 95—97.

⁸⁴ Наблюдения К. В. Базилевича («Денежная реформа Алексея Михайловича и восстание в Москве в 1662 г.», стр. 95—98) над социальным составом восставших носили частный характер (так как они были основаны на анализе нескольких весьма неполных списков участников восстания, в которых перечислено менее 200 человек).